

ПОЛИТИКА Н.С. ХРУЩЕВА В АГРАРНОЙ СФЕРЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ

Происходящее в последние годы переосмысление узловых сюжетов и проблем отечественной истории XX в. пока еще в малой степени коснулось ее социально-экономических аспектов. Поэтому многие вопросы здесь до сих пор остаются дискуссионными. В полной мере это касается и хрущевского «великого десятилетия». Российская историография насчитывает лишь несколько научных работ, где в той или иной мере рассматриваются проблемы социально-экономического развития страны в 1950-е – середине 1960-х гг.¹ Между тем потребность в них вполне очевидна, в первую очередь в силу особой значимости самого периода хрущевской «оттепели» в отечественной истории. Особенность же и уникальность этого достаточно непродолжительного по времени исторического периода состоит в том, что в условиях относительно благоприятной международной политической и экономической конъюнктуры развитие народного хозяйства страны происходило в нормальных, а не чрезвычайных условиях. В известном смысле хрущевское десятилетие – это «золотой век» советской системы, когда, как считают многие исследователи, она уже прошла «детский» период своего развития и ее фактическое состояние позволяло выявить ее реальные возможности. Согласно иной точке зрения, в эти годы раскрылся практически весь заложенный в этой системе потенциал и она дала максимум того, на что была способна в идеале². В 1950–1960-е гг. огромные усилия власти и общества по развитию индустриального потенциала страны принесли результат³. СССР многого достиг в экономической, социальной и научной сферах. В этот период завершился переход советского общества из сельского в основе своей в городское, из полуиндустриального в индустриальное⁴. При этом именно 1953–1964 гг. дали обширный и вполне репрезентативный материал для понимания особенностей развития СССР за все послевоенные годы, включая проблемы жизнеспособности и устойчивости советской системы, ее реальной динамики, природы и механизмов происходивших в ней изменений. Тем не менее долгое время после вынужденной отставки Хрущева о преобразованиях этого периода было не принято ни писать, ни говорить. Заговор молчания был нарушен в годы перестройки, и с тех пор многие проблемы, особенно политического характера, получили в историографии более объективное освещение⁵.

Однако и сегодня в истории хрущевской «оттепели» много тайн, касающихся, прежде всего, социально-экономических проблем, и еще больше мифов. До сих пор нет однозначной оценки Хрущева как политика, и того, что было сделано в годы, когда он руководил страной. Редкий вопрос, относящийся к этому периоду, не имеет в историографии нескольких, нередко противоположных толкований. В известной мере это является закономерным результатом узости источниковой базы и разных методологических подходов авторов, но нередки случаи, когда свой «вклад» в эту ситуацию вносят и политически ангажированные публицисты, вслед за мемуаристами стремящиеся оправдать себя и заодно свести счеты с Хрущевым⁶. До настоящего времени не изжита непродуктивная практика оценки Хрущева исключительно сквозь призму деятельности и личности его предшественника на руководящем посту – Сталина. В результате Хрущев до сих пор в исследованиях предстает либо как сталинист, либо как антисталинист. Для историков прокоммунистической ориентации он – «плохой сталинист», либерал, предатель великого дела «отца народов», для либерально-демократической исто-

* Шестаков Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь Института российской истории РАН.

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований по ОИФН РАН «Власть и общество в истории», проект «От XX съезда к постсоветской России».

риографии – он плохой антисталинист, непоследовательный, лукавый критик «культы личности, не доведший дела до конца».

Характерно, однако, что при всей разности посылок и аргументов в историографии «оттепели» просматривается одна знаменательная черта: положительная в целом оценка итогов социально-экономического развития страны в те годы соседствует с весьма критической оценкой деятельности самого Хрущева. По существу односторонняя характеристика этого лидера, данная его оппонентами в октябре 1964 г., пережила не только самого политика, но и падение советского режима. Отечественные историки и экономисты, в отличие от западных исследователей⁷, до сих пор негативно оценивают практически все реформаторские начинания Хрущева, его попытки придать новые импульсы развитию советской экономики⁸. Так, по мнению В.Г. Бушуева, отражающему позицию многих российских исследователей, любой другой руководитель, пришедший на смену Сталину, сделал бы то же самое, «причем, вполне вероятно, даже более эффективно»⁹. Разумеется, политика Хрущева, если смотреть на нее по прошествию многих лет, далека от идеала, но почему она была такой, а не иной?

В отечественной историографии периода перестройки без особых споров и аргументации сложилось мнение, что Хрущев в 1950-е гг. избрал самый консервативный вариант реформирования экономики¹⁰. В основе такого подхода лежит посылка, согласно которой после смерти Сталина дальнейшее развитие СССР могло быть направлено по пути постепенной модернизации по западному образцу с допущением рыночных механизмов ценообразования и конкуренции при сохранении коммунистической идеологии и ведущей роли КПСС. Сегодня многие исследователи связывают возможность формирования «рыночного социализма» в СССР с рядом инициатив Л.П. Берии и Г.М. Маленкова в первые месяцы после смерти Сталина¹¹. Однако, как считает, к примеру, И.С. Березин, эта реальная возможность, была упущена, «поскольку к руководству партией и страной пришел Хрущев»¹². Тем самым сторонники данной точки зрения предписывают Хрущеву исключительно консервативную, охранительную функцию, роль энергичного, но неумного последователя и продолжателя дела Сталина, если и способного на какие-либо новации, то исключительно деструктивного характера. Соответственно, из работы в работу кочуют определения Хрущева как сталиниста¹³.

В свою очередь, сторонники противоположной точки зрения обвиняют Хрущева в преждевременном разрушении командной системы, которая, по их мнению, к середине XX в. еще обладала серьезным потенциалом развития¹⁴. Подобной точки зрения придерживается в последнее время известный экономист Г.И. Ханин, считающий, что «командная экономика вопреки широко распространенному убеждению, сложившемуся в 1980-х гг. вследствие крупных хозяйственных неудач СССР, может добиваться не худших, а часто и лучших результатов по сравнению с экономиками самых передовых и быстро развивающихся государств мира»¹⁵. По его мнению, 1950-е гг. – были «золотым веком» советской системы, поскольку СССР входил в число таких стран с наиболее высокими темпами экономического роста, как ФРГ, Япония, Франция, и значительно опережал по темпам экономического роста США и Великобританию¹⁶. Этот рост, – отмечает Ханин в одной из своих статей, – носил преимущественно интенсивный характер¹⁷. Соответственно исследователь связывает затухание темпов экономического роста и снижение эффективности производства, начавшиеся в СССР, по его мнению, в 1958–1960-х гг., с малокавалифицированными действиями политического и хозяйственного руководства, преждевременно разрушившими командную систему¹⁸.

В свете новых архивных документов и методологических подходов существующие оценки социально-экономической политики Хрущева представляются сугубо односторонними. Ряд его действий действительно заслуживает серьезной критики, в то время как другие вполне можно принять. Все мемуаристы, говоря о его многочисленных недостатках, указывают на неординарность личности Хрущева. Об этом же свидетельствует и анализ протоколов пленумов и заседаний Президиума ЦК КПСС под его председательством. В отличие от последовавших за ним лидеров Хрущев действительно от-

личался субъективизмом и волюнтаризмом, т.е. имел свое мнение и умел принимать самостоятельные решения. Именно он положил начало важнейшему для судеб страны процессу десталинизации. В то же время вызывает непонимание акт «дарения» Хрущевым Крыма Украине или его нападки на творческую интеллигенцию.

Несомненно, Хрущев в качестве незаурядного отечественного политика и реформатора уже занял свое место в историографии XX в., и можно утверждать, что он стал представителем «иммунных сил» советской системы, вознесенных революцией из социальных низов для больших исторических действий. Хрущеву и подобным ему выдвиженцам их высокие властные посты давали возможность раскрыть до конца существенные силы социалистического строя, в преимущества которого над капиталистическим они безоговорочно верили. Возвышение Хрущева в такой же мере случайно, сколь и закономерно. Человека такого склада востребовало время, а то, что им оказался Хрущев – это, безусловно, случайность. Как справедливо заметил А.Е. Бовин, «в истории случайны лица, а типы — не случайны»¹⁹. Хрущев сделал свою стремительную карьеру благодаря сталинскому террору, занимая посты репрессированных руководителей, став типичным представителем послереволюционного поколения большевистских лидеров, «типом руководителя – "мужика"», человека особенно тесно связанного с народной толщей²⁰. Эта характеристика представляется принципиально важной и для объективной оценки политической линии Хрущева.

В переосмыслении нуждается и оценка характера всего хрущевского десятилетия, которое отнюдь не было периодом «потерянного времени». В исторической литературе сущность хрущевского периода традиционно принято было связывать с развенчанием культа личности и постепенным демонтажем сталинской репрессивной системы, причем до недавнего времени это представлялось самоочевидным. Соответственно, и оценка деятельности Хрущева шла в русле его отношения к сталинскому наследию, к процессам десталинизации. Однако в конце XX века обществоведы столкнулись с принципиально новой проблемой – проблемой посткоммунистической трансформации²¹. С крушением коммунизма и распадом СССР чрезвычайно актуальной стала оценка многих процессов, происходивших в социально-экономической сфере советского общества в послевоенные годы. Вокруг этих оценок до сих пор идут научные дискуссии, ключевое значение в которых приобрели ответы на вопросы, в какой исторический момент и по какой причине плановая система утратила свою эффективность, продемонстрированную в начальный период индустриализации, и почему в конечном итоге критика сталинского режима стала базой для поиска вариантов социализма с «человеческим лицом», а не стартовой точкой отказа от этого строя?

С наибольшей определенностью суть проблемы выразил известный экономист Г.Х. Попов. В книге «Три войны Сталина» он утверждает, что навязанный Сталиным «социалистический» вариант окончания войны с целью превратить ее в войну за утверждение социализма в Восточной Европе стал для нашей страны *упущенным шансом* перейти еще в середине XX в. от государственно-бюрократического социализма к новому, постиндустриальному обществу²². Попов утверждал, что в 1956 г. *теоретически* (курсив мой – В.Ш.) уже были возможности для выхода из социализма²³ и, стало быть, этот шанс Хрущев упустил. Подобные утверждения основываются на предположении, что главной проблемой СССР к середине 1950-х гг. стало завершение эксперимента с государственно-бюрократическим социализмом и начало реформ, направленных на его преобразование в более прогрессивный строй – постиндустриальный²⁴. Очевидно этот вопрос еще долго будет оставаться предметом теоретических дискуссий и политических битв, однако можно согласиться с тем, что *главный вопрос хрущевского периода – это вопрос об устойчивости и эффективности существовавшей системы хозяйствования*. В какой мере она отвечала объективным требованиям и тенденциям социально-экономического прогресса? В какой мере власть осознавала сильные и слабые стороны существующего хозяйственного механизма и как это сказывалось на социально-экономическом развитии страны? Эти вопросы, бесспорно, требуют ответа историков и экономистов.

В рамках одной статьи сложно оценить новизну и эффективность всех инициатив Хрущева в социально-экономической сфере – за время «оттепели» импульсивный реформатор стал автором нескольких сотен новаций в разных хозяйственных сферах, включая строительство шахт для баллистических ракет²⁵. Поэтому представляется целесообразным остановиться здесь лишь на некоторых его решениях, определивших путь страны на многие годы вперед. При этом следует подчеркнуть, что проблема оценки эффективности социально-экономического развития достаточно сложна. Не случайно в советское время она фактически была подменена проблемой количественной оценки экономического роста, заведомо призванной показать непрерывное повышение эффективности социалистической экономики. К сожалению, в историографии до сих пор нет однозначного толкования понятия «социально-экономическое развитие» и, соответственно, нет общепринятых критериев его измерения²⁶. Весьма показательным, что большинство отечественных авторов главным аргументом в пользу неэффективности социально-экономической стратегии Хрущева считают снижение темпов экономического роста в 1950-е гг., закупку продовольствия за рубежом, помощь странам третьего мира.

Критический анализ опыта целого ряда стран, где высокие темпы экономического строительства в 1960-е гг. не способствовали их эффективному развитию, позволяет говорить о том, что способность страны наращивать производство более высокими темпами, чем идет прирост населения, не является совершенным мерилом ее успеха и международного престижа²⁷. По этой причине, начиная с 1970-х гг., эффективность социально-экономического развития во всем мире в большей мере связывается с такими качественными показателями, как структура национальной экономики, использование новых технологий, соотношение добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности, структура экспорта, уровень развития социальной сферы, среднедушевые доходы населения и структура его потребления, состояние образования, здравоохранения, фундаментальной и прикладной наук²⁸. Характерно, что Всемирный банк в 1991 г. в своем докладе определил социально-экономическое развитие, прежде всего, как качественный процесс, нацеленный на развитие человека: «цель развития – улучшение качества жизни»²⁹. Эксперты банка включают в это понятие широкий круг показателей от сокращения масштабов нищеты и оздоровления окружающей среды до расширения личной свободы и более насыщенной культурной жизни³⁰. В ряде западных источников индекс социально-экономического развития напрямую отождествляется с индексом развития человека (Human Development index-HDI), который рассчитывается на основе ожидаемой продолжительности жизни в момент рождения, полученного образования и скорректированного уровня реального дохода³¹.

Таким образом, в современной концепции социально-экономического развития главное место принадлежит эволюции человека, его способностей и профессионализма, с одной стороны, и потребностей – с другой. Чем выше интеллектуальный уровень самого человека, тем сложнее, разностороннее его потребности и их обратное влияние на производство материальных благ и социальных услуг. По мнению авторов Программы развития ООН (ПРОН), развитие общества невозможно, если не реализуются 3 главные цели человека: прожить долгую и здоровую жизнь; приобрести, расширить и обеспечить знания; получить доступ к средствам существования, обеспечивающим достойный уровень жизни³². Однако при всей важности и полезности этих новых индикаторов для оценки социально-экономического развития уже очевидно, что они недостаточно учитывают факторы развития исторического порядка. Социально-экономическое развитие – это комплексная категория. Поэтому оценка эффективности социально-экономической стратегии любого правительства, любого политического лидера невозможна без учета всей совокупности политических, экономических и идеологических условий, в которых принимались те или иные решения, учета объективных требований общественного развития и вызовов времени. Базовыми целями социально-экономического развития любой страны и любого ответственного перед народом правительства является не только достижение экономической эффективности, но и обес-

печение национальной безопасности и поддержание социального консенсуса. В свою очередь, само понятие безопасности исторически имеет широкое измерение – от военного до продовольственного, причем если в первые послевоенные годы приоритет принадлежал ее военным факторам, связанным конкретно для СССР с созданием ракетно-ядерного щита, то в период «оттепели» акценты постепенно смещались на социальные аспекты безопасности. Поэтому как ни важны для процветания страны и ее граждан устойчивые темпы роста отраслей народного хозяйства, производящих материальные блага, трудно считать их объективными критериями развития для *всех* стран и *разных* исторических эпох³³.

По этой причине на первое место в системе этих показателей следует поставить те из них, которые позволяют объективно оценить характер задач, стоящих перед обществом на том или ином этапе его развития, и возможности общества, государства решать именно эти задачи и, тем самым, обеспечивать последующее развитие. Как правило, они носят качественный, а не количественный характер. Их принято обозначать как *path dependence* – зависимость настоящего от траектории предшествующего развития. Если иметь в виду определенную, хронологически и иерархически выстроенную систему факторов, определявших социально-экономическое развитие СССР в 1950-е – середине 1960-х гг., то это, будет, прежде всего, создаваемая на протяжении предшествующих десятилетий структура народного хозяйства и сложившиеся к моменту смерти Сталина властные институты. В силу специфики советской системы все годы советской власти комплекс властных структур во главе с КПСС, функционировавший как единый механизм власти, играл чрезвычайную роль в социально-экономическом развитии страны. Именно он осуществлял руководство и управление всем народнохозяйственным комплексом, определял долговременные цели и задачи в области экономики и в социальной сфере, создавал условия для развития тех или иных отраслей производства.

Отечественные исследователи давно спорят о существовании в рамках «хрущевского» периода нескольких переломных моментов, точек большего или меньшего, заметного или незаметного выбора, когда реформирование могло пойти иным путем, привести к иным итогам³⁴. Ориентируясь на рассмотренные выше критерии роста можно говорить о возможности реализации существенно различных вариантов экономического и социально-политического развития страны весной 1953 г., когда после смерти Сталина появилось определенное «окно возможностей» для претворения в жизнь различных программ модернизации государства и общества, выработанных Берией, Маленковым и Хрущевым. Инициативам Маленкова и Хрущева 1953 г. и последующих лет посвящено немало работ историков и экономистов. Однако до сих пор новации Хрущева в аграрной сфере рассматриваются в историографии односторонне и поэтому недооцениваются³⁵. В свою очередь наблюдается идеализация позиции в этом вопросе оппонента Хрущева Маленкова³⁶. Нет сомнения, что программа нового председателя Совета министров СССР, обнародованная им на августовской (1953 г.) сессии Верховного Совета СССР, несла в себе определенную новизну. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, низкая продуктивность советского аграрного сектора была настолько очевидна, что в послесталинском руководстве не было серьезной дискуссии по поводу изменения аграрной политики КПСС и советского государства. Сегодня достоверно известно, что идею снижения налогов с колхозников разделяло большинство членов сталинского руководства. Некоторые документы, разработанные в начале 1950-х гг., в том числе с участием Хрущева и А.И. Микояна, предвосхищали основополагающие идеи аграрной программы, принятой в сентябре 1953 г.³⁷ Определяющее воздействие на выбор стратегии и тактики развития сельского хозяйства осенью 1953 г. оказала борьба за лидерство: и для Маленкова, и для Хрущева политически выигрышно было первым заявить о новом курсе в деревне. По этой причине предложения обоих лидеров носили популистский характер. Ни Маленков, ни Хрущев не располагали на тот момент глубоко продуманной и экономически просчитанной концепцией новой аграрной политики. И тот, и другой видели смысл аграрной реформы 1953 г. в том, что-

бы, опираясь на сильные стороны колхозного строя, шире использовать принцип материальной заинтересованности и свести к минимуму его слабости и недостатки. Расходились они лишь в средствах достижения этой цели. Хрущев считал, что добиться быстрого роста сельскохозяйственного производства можно за счет реорганизации управления и усиления партийно-политической работы в деревне³⁸, и его главный конкурент в борьбе за власть – за счет перераспределения капиталовложений, ускоренного развития легкой и пищевой промышленности и внедрения хозяйственного расчета. В августе 1953 г. Маленков, опираясь на предложения Министерства финансов СССР, поддержанные Министерством сельского хозяйства СССР, первым публично объявил о снижении налогов с крестьян. По его докладу сессия Верховного Совета приняла закон о сельскохозяйстве по твердым ставкам с 0.01 га приусадебной земли, «независимо от общей суммы доходов хозяйств колхозников»³⁹. Одновременно со снижением налога в 2.5 раза были повышены заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель, овощи, «сдаваемые колхозами государству в плане обязательных поставок»⁴⁰. В итоге, к началу 1960-х гг. закупочные цены на мясо выросли в 12 раз, на зерно – в 7, на молоко – в 4 раза. Эти решения, безусловно, оздоровили ситуацию не только в сельском хозяйстве, но и в экономике в целом. В литературе высказывается предположение, что Маленков, если бы не проиграл свою битву с Хрущевым за власть, был готов идти и дальше, увязывая реформы в сельском хозяйстве с изменением приоритетов в экономике и даже во внешней политике⁴¹. Однако следует подчеркнуть, что этот сценарий мог реализоваться, по меньшей мере, лишь при двух условиях. Во-первых, это развитие представлений самого Маленкова в рыночном направлении. Однако против этого свидетельствуют как весь послужной список Маленкова, так и его реальные действия в послевоенные годы, когда он играл заметную роль в высшем руководстве и был инициатором разработки некоторых законодательных актов конца 1940-х – начала 1950-х гг. директивного характера. О глубине реформаторских намерений Маленкова можно было бы однозначно говорить и при наличии в его выступлениях предложений по глубокому структурному изменению советской экономики и всей системы управления ею, без чего серьезные реформы в советской системе невозможны. Во-вторых, развитие инициатив Маленкова требовало решительного пересмотра пятилетнего плана, но этого не произошло, а главное – и не планировалось. Дело в том, что в советской хозяйственной системе с 1930-х гг. существовали довольно жесткие межхозяйственные связи, а также строгие пропорции между структурой производства и структурой доходов населения и государства. Поэтому, как свидетельствует один из бывших руководителей Госплана СССР А.В. Бачурин, после вступления в силу пятилетнего плана серьезное изменение задания по какой-либо отрасли было возможно лишь в пределах имеющихся резервов. Иначе пришлось бы пересматривать весь план, поскольку одна отрасль тянула за собой цепочку других⁴². На практике такой пересмотр имел место после войны только один раз, когда VI пятилетка по инициативе Хрущева была прервана после трех лет действия и вместо нее введена семилетка. Наконец третье обстоятельство – это менталитет правящей элиты, который полностью исключал саму возможность хозяйственной самостоятельности предприятий, т.е. рынка. Такой менталитет, по мнению известных экономистов Ю. Ольсевича и П. Грегори, «не признавал даже необходимости таких цен, которые обеспечивали бы рентабельность каждого запланированного вида продукции, т.е. экономических стимулов для предприятий в рамках самого плана, он допускал лишь самое ограниченное материальное стимулирование отдельных работников по результатам их труда в пределах 20–30% отклонения от запланированной средней заработной платы»⁴³. Иными словами, вопреки сложившейся острой потребности в стабилизации экономики и увеличении производства сельскохозяйственной продукции, высшая бюрократия в сфере тяжелой промышленности и ВПК в период фактически начавшегося двоевластия (осень 1953 г.) не допустила бы перераспределения ресурсов за свой счет. Этот менталитет советской правящей элиты подпитывался не только партийной идеологией, но и логикой жесткого, всеохватывающего плана.

Факты говорят скорее о спонтанном и далеко не комплексном характере предложений Маленкова. До его отставки с поста председателя правительства никаких серьезных структурных изменений, включая пересмотр пятилетнего плана, не произошло. Фактически дело ограничилось лишь декларациями. Таким образом, инициативы Маленкова не содержали той новизны, которую впоследствии приписывали им его сторонники. Характерно, что инициатором идеи снижения налогов с колхозников был министр финансов А.Г. Зверев. И эта мера во многом носила вынужденный характер. К моменту смерти Сталина размер налога по сравнению с 1941 г. вырос в 2,7 раза, а его собираемость резко упала. В новом законе, принятом Верховным Советом СССР 8 августа 1953 г., обложение крестьян по прогрессивным ставкам в зависимости от размера дохода в каждом хозяйстве, которые довели их до полного разорения, было заменено обложением по твердой ставке с 0,01 га земельного участка. Соответственно было решено увеличить размеры приусадебных участков в 5 раз⁴⁴.

Это, несомненно, усиливало трудовую мотивацию крестьян. Важно и то, что инициативы Маленкова на V сессии Верховного Совета в августе 1953 г. принципиально не меняли ситуацию в народном хозяйстве. Аграрный сектор по-прежнему оставался донором для советской экономики (другого и не могло быть без принципиальных политических решений). Сельское хозяйство не получало серьезной финансовой и иной поддержки от государства, и крестьянам, по существу, предложили опираться на собственные силы. У Маленкова не было выраженного отказа от коллективной формы собственности, колхозов, от жестко централизованной вертикали управления сельским хозяйством. Вслед за Сталиным Маленков не видел других серьезных источников финансирования ВПК, кроме аграрной сферы. Колхозная же форма позволяла осуществлять полный контроль над производством и распределением сельскохозяйственной продукции и изымать из деревни максимум возможного. Не приходится сомневаться, что при последовательной реализации программа Маленкова была способна временно стабилизировать ситуацию в советском сельском хозяйстве и давала возможность крестьянам несколько улучшить свое материальное положение через интенсификацию их труда. Но она не давала крестьянам свободы выбора и, следовательно, четко ограничивала пределы преобразований. Производство продуктов в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) весьма трудоемко, и вовсе не факт, что простым увеличением размеров участков в несколько раз во столько же раз можно было увеличить продуктивность ЛПХ. У крестьян просто не хватило бы сил на это при двойной занятости. В предложениях Маленкова это обстоятельство не принималось во внимание (возможно, временно), равно как и специфичность самого положения крестьянских подсобных хозяйств в советской системе, в силу которой рост числа и размеров ЛПХ объективно входил в противоречие с ее базовыми ценностями и социальными институтами, которые власти вовсе не собирались демонтировать.

Упомянем и другое, более важное обстоятельство – реализация предложений Маленкова была возможна исключительно при кардинальном изменении международного положения СССР, т.е. при полном прекращении гонки вооружений и окончании холодной войны. Но и в этом направлении его предложения не были настолько революционными, чтобы в корне изменить ситуацию. Сторонники «маленковской альтернативы» явно переоценивают субъективное желание Маленкова идти в тот момент на глубокое реформирование советской экономики⁴⁵. Сам по себе факт победы Хрущева, хотя и косвенно, подтверждает этот вывод. В целом можно говорить о том, что Маленков к осени 1953 г. был далек от понимания того, что успех реформирования сельского хозяйства в экономических советского типа возможен лишь при придании ему системного характера. В противном случае, как это доказывает исторический опыт, защитные силы системы, вследствие жесткой взаимообусловленности в ней политических, экономических и внешнеполитических факторов, способны нейтрализовать любые усилия реформаторов. В силу названных причин мы вправе предположить, что, несмотря на либеральную форму предложений Маленкова, они, по существу, носили тупиковый ха-

ракти и отнюдь не вели к демонтажу социализма. Их предназначение состояло лишь в ликвидации явных перекосов в советской экономике.

Позиция Хрущева в аграрном вопросе внешне выглядит гораздо консервативнее. В основных чертах она сформировалась в первые послевоенные годы и в целом базировалась на известных марксистских догмах о преимуществе крупного общественного производства в сельском хозяйстве и неперспективности мелкособственнического производства. Даже на склоне лет, когда Хрущев пересмотрел многие прежние свои взгляды, он продолжал считать идею колхозного производства чрезвычайно правильной, хотя и осуждал проведение коллективизации варварскими методами⁴⁶. В свете новых материалов линия Хрущева в аграрной сфере представляется не столь ортодоксальной и в среднесрочном плане достаточно эффективной. Как свидетельствуют документы, на протяжении рассматриваемого десятилетия его аграрная политика претерпела довольно значительную эволюцию, как и сам Хрущев. Решая аграрные проблемы, он больше доверял своей интуиции и здравому смыслу и в этом плане резко отличался не только от Маленкова, но и от других сталинских наследников.

С началом холодной войны, как свидетельствуют недавно рассекреченные архивные документы, Сталин был серьезно озабочен проблемой инвестиций в ВПК, поиском средств для решения атомной проблемы и создания совершенно новых отраслей военной промышленности. По этой причине были заморожены все немногие проекты демократизации советского общества и структурных изменений в области экономики⁴⁷. Большие трудности с выполнением заданий IV пятилетки заставили советских вождей в начале 1950-х гг. при разработке Директив V пятилетнего плана дважды уменьшать сумму капитальных вложений в народное хозяйство⁴⁸. Из-за хронического дефицита средств капиталовложения во всех отраслях, не носивших, в понимании Сталина, стратегического характера, были заморожены, включая строительство заводов ЭВМ и военных аэродромов. Очевидно это обстоятельство было определяющим и во взглядах Сталина тех лет на судьбу колхозной артели и роль подсобного хозяйства. В условиях нарастающей гонки вооружений он предпочел ничего не менять в аграрной сфере, не трогать личного подсобного хозяйства крестьян, о чем вполне определенно сказал в своей беседе с группой видных советских экономистов в феврале 1952 г.: «Коммунизм будет после того, как функции крестьянского двора на обслуживание личных потребностей отпадут.... Сейчас сельскохозяйственная артель вовсе не является оковами для развития сельского хозяйства... Пока надо приучить колхозы, чтобы они больше думали об общественном деле. Сейчас колхоз ничего, кроме своего хозяйства, знать не хочет»⁴⁹. На рубеже 1950-х гг. «приучали думать об общественном деле» не только колхозы, но и самих колхозников. Чтобы не допустить снижения поступлений в государственный бюджет ставки налогов на приусадебные участки с 1948 по 1952 г. непрерывно повышались. Даже по мнению министра финансов Зверева это было экономически неоправданно⁵⁰.

Хрущев, в целом разделяя и поддерживая цели сталинской аграрной политики, тем не менее выступал против ее крайностей, так как лучше Сталина знал реальное положение в деревне. Он был против очередного большого нажима на крестьян как вечно-го источника средств для народного хозяйства. Принципиально не возражая против закона о «первой заповеди» колхозника, он предлагал в первую очередь засыпать семена, «потому что это будущее». «Как же мы берем эти семена у крестьянина, а потом вынуждены давать ему же для посева зерно? Но уже неизвестно, что это за семена и из какого района пришли, насколько они акклиматизированы»⁵¹.

Хрущев первым решительно выступил против двойной занятости крестьян. В своей скандально известной статье «О строительстве и благоустройстве в колхозах», опубликованной 4 марта 1951 г. в «Правде», он прямо писал о том, что «более добросовестные передовые колхозники, не желающие в ущерб общественному хозяйству отвлечься на работу в своем личном хозяйстве, не могли построить себе дом»⁵². Хрущев первым сказал, что деревня живет в материальном отношении очень плохо, и что колхозники тоже люди и хотят жить хорошо. «Теперь у колхозника другие требования, он хочет хо-

рошо устроить свой быт, и одна комната его уже не может удовлетворить. Надо подумать о том, чтобы у колхозников были 2–3–4 комнаты...»⁵³ Вопреки широко распространенному мнению, именно это, а не строительство пресловутых агрогородов было главным в его статье. Характерно, что именно Маленков, готовя с подачи Сталина закрытое письмо, призванное дезавуировать опасные откровения Хрущева, постарался максимально сгустить краски, чтобы представить Хрущева ярким противником ЛПХ, ущемляющим кровные интересы крестьян. Анализ всего процесса подготовки Маленковым закрытого письма показывает, что Сталина и его ближайшее окружение волновали, собственно, не судьба ЛПХ, а то обстоятельство, что Хрущев в письме будировал «потребительские настроения», а точнее, прямо говорил о необходимости подъема жизненного уровня колхозников. На все это требовались громадные средства, тогда как задачей власти на тот момент было получить их из деревни⁵⁴. Критический, разоблачительный пафос статьи Хрущева был замечен Сталиным и вызвал его гнев. Однако наказания не последовало, ибо могло придать письму Хрущева большую значимость и вызвать в обществе нежелательный резонанс.

Сталин ограничился закрытым письмом, предназначенным для партактива, где все акценты были сознательно смещены. При этом до сих пор исследователи опираются больше на выводы, сделанные Маленковым, нежели на доводы самого Хрущева. Факты говорят о том, что он, опять-таки вопреки устоявшемуся мнению, до конца 1950-х гг. не предпринимал жестких мер по ограничению ЛПХ. Пойти на ограничения его заставляла тупиковость ситуации в аграрной сфере и реалии борьбы за власть. Дело в том, что уже через несколько месяцев после сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г. деревня отреагировала вполне адекватно: в колхозах стала падать трудовая дисциплина, резко сократилось поголовье скота, а некоторые председатели колхозов начали приводить «размер хозяйства в соответствие с мощностью колхозов». Поскольку же в последующем ситуация в аграрной сфере принципиально не изменилась, то дальнейшее развитие ЛПХ грозило дестабилизацией ситуации во всем сельском хозяйстве. Хрущев оказался перед выбором, и его выбор оказался не в пользу ЛПХ.

Хрущевская аграрная политика вряд ли объяснима вне общеполитического и международного контекста. Неплохо зная сельское хозяйство, Хрущев считал невозможным дальнейшее развитие экономики без первоочередного решения продовольственной проблемы. Решительно выдвинув ее в центр социально-экономической политики, он смог заручиться поддержкой большей частью региональных руководителей разного уровня и итоге победить в борьбе за власть Маленкова, явно недооценивавшего остроту продовольственной проблемы и делавшего ставку на перераспределение капиталовложений⁵⁵. Вместе с тем Хрущев отдавал себе отчет в том, что военное и промышленное лобби не допустит значительного перераспределения ресурсов за счет ВПК и тяжелой индустрии. Очевидно в этом заключалась одна из причин того, что Хрущев почти до самой отставки настаивал на ускоренном развитии тяжелой промышленности, демонстрируя догматическую верность сталинской военно-индустриальной гвардии⁵⁶. Многие его поспешные действия диктовались развертывавшейся тогда гонкой вооружений, требовавшей от страны все больше ресурсов, в том числе, создания стратегических резервов продовольствия как минимум на год. Именно этими объективными обстоятельствами в первую очередь диктовалось наступление в духе традиционного большевизма на целину.

Вторая важнейшая причина целинной эпопеи была напрямую связана с начавшейся либерализацией режима, активизацией обратных связей между властью и населением. С осени 1953 г. в центральные и местные органы власти, а также средства массовой информации хлынул поток жалоб и просьб граждан, однозначно свидетельствующих о серьезных проблемах в социально-экономической сфере советского общества – тотальном дефиците продовольствия, особенно хлеба и мяса, хронических невыплатах заработной платы рабочим и служащим, жалования военнослужащим. «Сознательный коммунист» Румянцев, проживавший в г. Шербакове, просил в октябре 1954 г. сообщить т. Маленкову («мы знаем, что т. Маленков об этом не знает»), что «вот уже 37 лет

как люди в г. Щербакове голодают, очередь за хлебом занимаем с вечера. В магазинах нет хлеба, сахара, мяса, а спичек дают по 2 коробка... Ни одной страны не найдешь в мире, чтобы народ жил в таких недостатках как наш народ. Правду о нашей жизни сказать нельзя, так как сразу заберут в КГБ...»⁵⁷ Колхозник из с. Орловка Саратовской обл. писал в Главное управление радиотелевизионной информации при Министерстве культуры о том, что война давно закончилась, а хлеба в магазинах нет: «Говорят, ты колхозник, получиай хлеб в колхозе, а у рабочего не отнимай...»⁵⁸ Почти у всех аналогичных писем во власть был один рефрен: очереди круглые сутки, масса обозлена, недовольство растет⁵⁹.

О том же, к примеру, сообщал в ЦК КПСС и секретарь Куйбышевского обкома КПСС Ефремов: «Считаем необходимым доложить ЦК, что в области и г. Куйбышеве сложилась крайне напряженная обстановка в торговле хлебом. Начиная с июля 1954 года во всех городах области торговля хлебом проходит с большими очередями, что вызывает недовольство населения»⁶⁰. В обзоре писем граждан, подготовленном газетой «Правда», были те же проблемы, те же акценты: «Пленум ЦК КПСС решил в течение ближайших 2–3 лет обеспечить изобилие продуктов, а в первый год после пленума стало жить труднее, не является ли это чьим-либо вредительством?»⁶¹. По существу, у власти не было выбора: хлеб был нужен немедленно, а не через годы. Защищая свою позицию по вопросу подъема целинных и залежных земель, Хрущев в мемуарах приводит простой, но, на мой взгляд, достаточно весомый аргумент: «Надо просто знать о состоянии зернового хозяйства в те годы, о нашей недостатке зерна»⁶².

Не случайно идея массового освоения целины родилась в голове реформатора в дни работы сентябрьского пленума 1953 г., казалось бы, взявшего твердый курс на интенсификацию сельского хозяйства. Это был осознанный выбор Хрущева. «Мы должны выиграть время, – заявил он на июньском пленуме ЦК КПСС 1954 г. – Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени. Для того, чтобы получить нужное количество хлеба в центральных областях страны, потребуется не менее 10 лет...»⁶³ Советское руководство после корейской войны рассматривало обстановку в мире как предвоенную. По представлениям Хрущева, проблема отставания от США с созданием собственной атомной бомбы не была решена. Считалось, что уже к 1955 г. США и Великобритания будут в состоянии накопить достаточное количество ядерного оружия для нападения на СССР⁶⁴. Об этом не говорилось на пленуме, но явно подразумевалось. По существу, вопрос как «обогнать время» становится для Хрущева узловым, накладываясь практически на все его решения. Расширение посевных площадей давало возможность быстрого увеличения сбора зерна, так что уже осенью можно было получить урожай. В послевоенные годы Сталин был решительным противником освоения новых земель. С одной стороны, эта позиция отражала его намерения поднять культуру земледелия и более интенсивно вести хозяйство. С другой, как свидетельствует Хрущев, – это был способ заставить крестьян более интенсивно трудиться⁶⁵. Хрущеву пришлось выдержать серьезную борьбу в Президиуме ЦК КПСС по этому вопросу. В послесталинском руководстве все понимали, что надо что-то делать с сельским хозяйством, но не знали что. Не было уверенности в том, что целина окупит себя. Молотов, в частности, высказывал сомнения в том, что удастся набрать необходимое количество рабочих рук⁶⁶. Другое важное обстоятельство, вызвавшее к жизни программу освоения целины, было непосредственно связано с внутренней сущностью советской системы с ее мощным мобилизационным потенциалом. Принимая решение о подъеме целинных земель, руководство страны исходило из принципиальной возможности привлечь на добровольно-принудительных и зачастую безвозмездных началах значительное количество людей и материальных ресурсов. Правда, став единоличным лидером, Хрущев постепенно расширил распахну целины до 41,8 млн га к 1960 г. Таким образом, ставка в решении продовольственной проблемы делалась все же на перераспределение ресурсов, на традиционное госплановское решение любых проблем за счет новых вложений в особо дефицитные отрасли с целью их экстенсивного расширения⁶⁷.

По существу, освоение целины явилось критическим поворотом в развитии советского сельского хозяйства, переходом от изъятия средств из сельского хозяйства к вливанию их в него из государственного бюджета. Поворот к целине, в целом назревший и оправданный, означал не столько отказ от интенсивных методов ведения сельского хозяйства и усиление административных мер, сколько стратегический поворот в области бюджетной политики советского государства. Возрастающий поток материальных и финансовых ресурсов устремился на село. За 1954–1959 гг. в освоение целины было вложено 37,4 млрд руб.⁶⁸ За счет товарного зерна бюджет получил из этих районов около 62 млрд руб., и в итоге чистый доход составил 24 млрд руб.⁶⁹ Производственные фонды колхозов, совхозов и МТС возросли на 30 млрд руб.⁷⁰ В свете вышесказанного неосновательны упреки в адрес Хрущева в том, что, осваивая целинные земли, он обрек страну на экстенсивное хозяйствование. Выбор в пользу целины был сделан не столько в силу желания осваивать новые земли, сколько из-за невозможности в тех условиях хозяйствовать по-новому.

В условиях непосильной гонки вооружений, чрезвычайно низкой в большинстве хозяйств культуры земледелия, слабого развития химической индустрии, бюрократизации аппарата управления лишь освоение целинных земель давало быструю отдачу и позволяло хотя бы на время снять остроту продовольственной проблемы. Выбор интенсивного или экстенсивного пути ведения хозяйств на практике определялся реальными возможностями страны. Ведение хозяйства на интенсивной основе требовало больших материальных затрат, а также накопления знаний и опыта. Иными словами для перехода на него требовался достаточно продолжительный период времени. Даже капитальные вложения в 1971–1980 гг. в размере 300 млрд руб. в сельское хозяйство, т.е. в 2,3 раза большие, чем в предыдущее десятилетие, принесли ничтожную отдачу и не позволили перевести сельскохозяйственное производство в СССР на интенсивный путь развития⁷¹.

По причинам, о которых говорилось выше, страна такими средствами в начале 1950-х гг. не располагала. Для того, чтобы поднять на старопахотных землях урожайность с реальных 8–10 ц с га до необходимых 35, нужны были минеральные удобрения, сортовые семена, гербициды и другие средства обработки полей и сохранения урожая. В 1950 г. СССР производил лишь 1 236 тыс. т минеральных удобрений (в пересчете на стопроцентное содержание питательных веществ), в 1960 – 3 281 тыс. т, в 1964 – 6 009 тыс. т⁷². (Для сравнения: в 1980 г. СССР производил уже 24 767 тыс. т⁷³, и количество удобрений, приходящихся на 1 га пашни, по сравнению с серединой 1960-х гг. увеличилось в 3 раза. Но и такое количество удобрений, вносимых под зерновые и кормовые культуры, по мнению специалистов-аграрников, считалось совершенно недостаточным для решения зерновой проблемы и создания прочной кормовой базы животноводства⁷⁴. В связи с этим, планировалось поставить в 1985 г. только в Нечерноземье 6,68 млн т⁷⁵. Характерно, что в Нечерноземной зоне РСФСР в 1980 г. было внесено на 1 га посевной площади минеральных удобрений в 2 раза больше и органических в – 1,4 раза больше, чем в 1970 г. Валовая же продукция с растениеводства в 1976–1980 гг., по сравнению с 1966–1970 гг., не только не увеличилась, но даже несколько уменьшилась. Даже через 20 с лишним лет из-за низкой культуры производства в Центральном районе РСФСР 1 кг питательных веществ давал прибавку зерна в среднем 2,2 кг, или менее половины нормативной⁷⁶.

Безграничная вера Хрущева в возможности «колхозного строя», предубежденность правящей элиты против частной собственности не позволили сделать советское сельское хозяйство высокоэффективным. Вместе с тем, следует согласиться с мнением экономистов Ю. Ольсевича и П. Грегори, согласно которому «без аграрных реформ 1950-х гг. не было бы косыгинских реформ второй половины 1960-х, а последние заложили те корни, которые проросли горбачевско-рыжковской перестройкой 1980-х и переходом к рынку в 1990-х гг.»⁷⁷. Аграрные новации Хрущева сломали сложившийся менталитет правящей элиты, сняли с сельского хозяйства печать второсортности. Создавая своими инициативами тупиковые ситуации в политике и экономике, Хрущев вы-

двигал в качестве выхода парадоксальные, с точки зрения господствовавшего мышления, решения. Так, сконцентрировав все доступные ресурсы на освоении целины на востоке, Хрущев тем самым только обострил вопрос о необходимости переориентации обескровленного сельского хозяйства Европейской части СССР на экономические стимулы.

Однако главный итог аграрных новаций Хрущева, на мой взгляд, заключается в том, что, резко подняв планку социальных ожиданий советских граждан, они сделали весьма актуальной проблему подъема их жизненного уровня, вызвали к жизни широкую государственную программу мер по подъему благосостояния народа. Это, собственно, и дало повод Молотову говорить в свое время о «буржуазном перерождении СССР» при Хрущеве⁷⁸. Некоторые современные авторы также считают, что «потребительский социализм» Хрущева стал началом конца социализма в СССР, поскольку был запущен маховик роста потребностей и вскоре обнаружилось, что «социалистическая экономика не предназначена для удовлетворения этих потребностей»⁷⁹. На основании этого, может быть и не бесспорного, вывода можно, вслед за американским биографом Хрущева говорить, что «сами ошибки Хрущева, вскрывшие глубинные противоречия советской системы, возможно, более благотворны для страны, чем были его успехи»⁸⁰. Ценность опыта тех лет состоит в том, что в годы «оттепели» была «отработана» тупиковая модель модернизации одряхлевшей советской системы, и тем самым открылась возможность поиска иных путей модернизации, включая выход из социализма.

Примечания

¹ См.: Ханин Г.И. Анализ тенденций экономического развития СССР (1928–1985) // Экономическая социология и перестройка. М., 1989; Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953. М.; Тамбов, 2000; Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». 1953–1964. М., 2002; Амосов А.И. Социально-экономическая эволюция России. М., 2004; Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы. История и уроки. М., 2004.

² Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 89.

³ Ханин Г. Советское экономическое чудо: миф или реальность? Статья четвертая // Свободная мысль XXI. 2003. № 12. С. 61.

⁴ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 15, 124.

⁵ См.: Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1999; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998; Данилов А.А., Прыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; и др.

⁶ См.: Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2002.

⁷ См.: Дроздов В.В. Экономические реформы в СССР (1953–1985). Взгляды зарубежных исследователей. М., 1998. С. 67.

⁸ См.: Березин И.С. Краткая история экономического развития. М., 2001. С. 250.

⁹ См.: Бушуев В.Г. Свет и тени: от Ленина до Путина. Заметки о развилках и персонах российской истории. М., 2006. С. 240.

¹⁰ См.: Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 185.

¹¹ Березин И.С. Указ. соч. С. 250; Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин. Молотов. Берия. Маленков. М., 2000. С. 620–626; Лейбович О.Л. Указ. соч. С. 116. Ставшие доступными в последнее время документы пока не подтверждают версию о желании Маленкова и Берии идти в социально-экономических преобразованиях дальше Хрущева и отойти от социализма.

¹² Березин И.С. Указ. соч. С. 251.

¹³ См.: Пыжиков А.В. Новое прочтение драматического эпизода отечественной политической истории // Вестник РАН. 2006. № 5. С. 457.

¹⁴ Губанов С. «Косыгинская реформа»: итоги и уроки // Экономист. 2004. № 4. С. 42.

¹⁵ Ханин Г.И. Советское экономическое чудо... С. 74.

¹⁶ Ханин Г.И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 4. С. 166–167.

¹⁷ Там же. С. 167.

- ¹⁸ Там же. С. 170.
- ¹⁹ Бовин А.Е. XX век как жизнь: Воспоминания. М., 2003. С. 730.
- ²⁰ Волкогонов Д.А. Семь вождей. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 339–340.
- ²¹ См.: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997. М., 1998. С. 4.
- ²² Попов Г.Х. Три войны Сталина. М., 2005. С. 167.
- ²³ См.: Попов Г.Х. Упущенный шанс (к 50-летию XX съезда КПСС) // Московский комсомолец. 2006. 22 февраля. С. 6.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Хрущев Н.С. Рождение сверхдержавы: книга об отце. М., 2000. С. 345; Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. В 4 кн. Кн. 4. М., 1999. С. 197–198.
- ²⁶ Качество роста. 2000. Пер. с англ. М., 2000. С. XIX. Это (наряду с узостью источниковой базы) одна из причин того, что многие аспекты социально-экономической политики советского государства в годы хрущевской «оттепели» остаются дискуссионными.
- ²⁷ Косолапов Н. Международные отношения и мировое развитие // Мировая экономика и международные отношения. М., 2000. № 2. С. 112. В соответствии с этим понятием уровень социально-экономического развития страны, определяемый отношением национального дохода к численности ее населения, служил количественным отражением процесса развития данной страны.
- ²⁸ Эффективный экономический рост. Теория и практика. М., 2003. С. 24.
- ²⁹ World Development Report. 1991. N.Y., 1991. P. 4.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Кузнецова Е.В. Индекс человеческого развития и тенденции его изменения в России и зарубежных странах // Вестник статистики. М., 1999. № 2. С. 21.
- ³² Эффективный экономический рост: теория и практика. М., 2003. С. 28.
- ³³ Экономическая теория национальной экономики и мирового хозяйства. М., 1997. С. 50.
- ³⁴ См.: Пенкин Л.А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е–60-е гг.? // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8.
- ³⁵ См.: Ольсевич Ю., Григори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 27.
- ³⁶ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 620–623.
- ³⁷ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 52.
- ³⁸ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. Т. 4. 1953–1957 гг. М., 1958. С. 24.
- ³⁹ Маленков Г.М. О неотложных мерах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа // Заседания Верховного Совета СССР (Пятая сессия). 5–8 августа 1953.: Стеногр. отчет. М., 1953. С. 269.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 646–647.
- ⁴² См.: Ольсевич Ю., Григори П. Указ. соч. С. 110–111.
- ⁴³ Там же. С. 27.
- ⁴⁴ РГАЭ, ф. 7733, оп. 42, д. 916, л. 10–22.
- ⁴⁵ Маленков А. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 72–73; 98–101.
- ⁴⁶ Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 4. С. 60.
- ⁴⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 122, л. 42–46.
- ⁴⁸ Там же, ф. 82, оп. 2, д. 96, л. 14–16.
- ⁴⁹ Там же, ф. 83, оп. 1, д. 8, л. 113.
- ⁵⁰ РГАЭ, ф. 7733, оп. 42, д. 911, л. 30.
- ⁵¹ Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 2. М., 1999. С. 8.
- ⁵² Правда. 1951. 4 марта. С. 2–3.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 7, л. 13, 14, 15.
- ⁵⁵ Ольсевич Ю., Григори П. Указ. соч. С. 27–28.
- ⁵⁶ См.: Замечания Н.С. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. // Источник. 2003. № 6. С. 184.
- ⁵⁷ РГАНИ, ф. 5, д. 94, л. 8.
- ⁵⁸ Там же, л. 9.
- ⁵⁹ Там же, д. 95, л. 15.
- ⁶⁰ Там же, л. 21.
- ⁶¹ Там же, л. 73.

- ⁶² Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 4. С. 79.
- ⁶³ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1. М., 1962. С. 331, 334.
- ⁶⁴ Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000. С. 54.
- ⁶⁵ Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 4. С. 69.
- ⁶⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 754.
- ⁶⁷ Ольсевич Ю., Грегори П. Указ. соч. С. 28.
- ⁶⁸ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVII–XX вв.). М., 1995. С. 304.
- ⁶⁹ Там же. С. 309.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ См.: Продовольственный комплекс страны. М., 1983. С. 5.
- ⁷² Народное хозяйство СССР в 1958 году. Стат. сб. М., 1959. С. 224.
- ⁷³ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юб. стат. справочник. М., 1987. С. 177.
- ⁷⁴ См.: Продовольственный комплекс страны. С. 183–184.
- ⁷⁵ Там же. С. 185.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Ольсевич Ю., Грегори П. Указ. соч. С. 26.
- ⁷⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 324–325.
- ⁷⁹ См.: Смирнов В.С. Экономические причины краха социализма в СССР // Отечественная история. 2002. № 6. С. 96.
- ⁸⁰ Таубман У. Хрущев. М., 2005. С. 7.